

Биофилософия для XXI века

Душа-мясо-паттерн

Всегда существовало три способа осмысления жизни: душа, мясо и паттерн. В этой троице все считалось одушевленным, живым и витальным. «Душа» — это не просто схоластическая, теологическая, личная душа, но аристотелевский принцип жизни (*псюхе*), принцип ее организации. Вегетативная душа растений, живая и чувственная душа животных и рациональная душа людей. Иерархия душ мало чем отличается от Великой цепи бытия, биологической теологии разделения и иерархизации. Напротив, «мясо» — это грубая материя, бездумный и заводной механизм, *bête machine*, описанная Декартом, — животное или машина, без разницы. Механизм — это, в каком-то смысле, осмысление жизни как мяса и мяса как безжизненного (жизнь, которая безжизненна, — это мясо или машина). Наконец, отличный от «души» и «мяса» третий подход — это «паттерн». Может показаться, что акцент на паттерне — совершенно пост-современное явление, область кибернетики, информационной теории и самоорганизации. Но это верно лишь отчасти. Начнем с того, что Аристотель-биолог называет форму (*эйдос*) и «душу» отличительным признаком растений, животных и человека; она заключается в их способе организации, самоактуализации во времени («если оно движется, оно живо»). Тем не менее, с современными исследованиями самоорганизации Аристотеля объединяет неспособность объяснения того, как происходит организация, если не ограничиваться повторением, что целое превышает сумму его частей.

Таким образом, «душа», «мясо» и «паттерн» образуют троицу. Троица — это еще и триптих: душа в центре, мясо по правую руку, а по левую руку — паттерн. Образ мысли, который постоянно переключает, меняет, вытесняет и замещает местоблостителя, который определяет мысль: от *псюхе* к механизму и животному электричеству, «геммулам» и «пангенам», ДНК и «коду жизни». Однако эти три подхода не образуют периодизации с аристотелевской *псюхе*, сменяемой заводным телом у Декарта, а затем генетическим кодом. Вместо этого, как троица/триптих, они обра-

зуют своеобразный портрет, лицо, лицевость, область черных дыр и белых стен, в которых и на которых часто начертано: «жизнь — это то, чья сущность может быть прослежена, и что тем не менее избегает полного прослеживания». Душа-мясо-паттерн. Все они составляют центральный, универсальный, внешний принцип организации, которая достигает своей высшей точки в жизни, организме, жизненной силе. Мы можем просто назвать это *принципом жизни*, центральным понятием, которое структурирует всю область исследования. Каждый подход отличается своим местоблюстителем, но продолжает сохранять трансцендентальный локус, который минимально гарантирует описание жизни, нечто, позволяющее указывать и говорить «это оно...» (или, возможно, «это живое... живое!», или еще — «стреляй в то, у чего больше двух ног!»). При введении таких принципов организации, триптих души-мяса-паттерна также артикулирует границы: живое/неживое, органическое/неорганическое, одушевленное/неодушевленное, но также животное-машина, человек-животное, человек-дикарь, виды, расы, населения, геномы... Мы можем назвать эту практику *границами артикуляции*. Вместе с тем принцип жизни и границы артикуляции — это два метода, которые Запад постоянно заново открывал в своей мысли о жизни.

Внешняя жизнь

Можно выделить внутренний и внешний аспекты этой мысли. Внутренний разделяет, упорядочивает и связывает виды и типы; внешний управляет границами и положениями живого и неживого, возможной инструментальностью, постоянными резервами. Внутренний аспект — метаболический; развитие, фильтрация и дифференциация происходит внутри; это распад и создание биомолекул, организация органов, генезис видов и рас. Внешний аспект — иммунологический, поскольку он руководит границами, обмена, проходами; это различие я/не-я, обмен организма со средой, ощущение окружающего, индивидуальное тело, живущее в близости к другим телам. Тем не менее всегда есть нечто, что усложняет оба аспекта. Внутренний аспект прекрасно работает до тех пор, пока внешний аспект не утрачивает своей власти над вещами. Пример — эпидемии. Эпидемическое не может ограничиваться отдельным организмом, поскольку сама его природа заключается в переходе между организмами и — во все большей степени — переходе границ вида (и национальных границ). Какова единица анализа для эпидемии? Точно так же внешний аспект может без проблем управлять границами, пока не окажется, что внутренний аспект — иллюзия. Например, если внешний аспект — это то, что отличает отдельный организм от его среды и тем самым делает возможными инструментальные отношения, постоянный резерв, что же тогда является внутренним аспектом? Предположим, что это весь спектр осмысления этого организма — его биологические, физиологические и когнитивные процессы. Но разве каждый из них на самом деле не направлен вовне? Что

это за системы, сети и пути организма, если не внутренние слои внешнего аспекта? Таким образом, внутренние и внешние аспекты постоянно переплетаются, и потому не вполне верно описывать отношения между ними, как это делает Делез, в виде складки (сворачивания, разворачивания, эмбриологии, не имеющей никакого отношения к «развитию»).

Душа-мясо-паттерн. И вновь—это не *телос*, как в генетических и информационных технологиях—наиболее развитой форме соединения внутреннего и внешнего. Тем не менее во времена сетей, роев и множеств кажется, что третий подход—«паттерна»—доминирует сегодня в науках о жизни (генетика, геномика), здравоохранении (биотехническая промышленность), технологиях (искусственная жизнь¹, искусственный интеллект², сети), войне (биотеррор, зарождающиеся эпидемии) и даже альтернативных научных подходах (биосложность, эмерджентность).³ Новый, витальный паттерн пронизывает все возможные системы—глобальные экономики, социальные системы, паттерны иммиграции, информационные обмены, мобильные и беспроводные сети связи и т. д. Но избавились ли мы от разделяющего и иерархизирующего подхода к осмыслению жизни? Не является ли «паттерн» просто новой «душой»? Традиционно эти вопросы о принципе жизни относятся к сфере философии биологии. Но что, если инвертировать философию биологии? Что, если инвертировать этот образ мысли (душа-мясо-паттерн) и этот дуалистический метод (принципы жизни, границы артикуляции) и предложить вместо него *биофилософию*? Возможно, именно поэтому «сама жизнь» представляет проблему, а не цель или задачу. Как насчет того, чтобы вместо рассмотрения внутренних свойств жизни заняться рассмотрением жизни как внешнего, как постоянного движения вовне? Как насчет того, чтобы вместо сосредоточения внимания на жизни (сущности, принципе организации) рассмотреть жизнь как периферию? *Внешнюю жизнь, жизнь, постоянно выходящую вне себя, периферийную жизнь...*

Биофилософия и философия биологии

Что же тогда биофилософия? Начнем с того, что биофилософия—это не то же самое, что и философия биологии. Обычно философия биологии имеет синтагматическое и парадигматическое, горизонтальное и вертикальное измерения. Горизонтальное измерение—это прояснение

¹ *Искусственная жизнь* (ALife или AL) — одно из направлений современных киберисследований, которое изучает способы генерирования и имитации живых систем на уровне нелинейных самоорганизующихся взаимодействий. (Примечание Д. Булатова).

² *Искусственный интеллект* (искусственный разум, AI) — способность прикладного процесса обнаруживать свойства, ассоциируемые с разумным поведением человека. (Примечание Д. Булатова).

³ См. об этом: Eugene Thacker, «Networks, Swarms, Multitudes», in CTHEORY (2004): <http://www.ctheory.net>.

универсальных свойств организма, которые считаются частью его сущности или принципом организации (ростом и распадом, воспроизводством и развитием, эволюционной адаптацией). Вертикальное измерение — это историческое развитие этого образа мысли на Западе: от Аристотеля до естествознания, дарвиновской эволюции и нового синтеза в генетике и биохимии. Вообще философия биологии подчеркивает и расширяет философские измерения биологического знания. Проблемы, относящиеся к эволюции, биологическому детерминизму, дуализму, механизму и телеологии, могут рассматриваться в контексте наук о жизни, вроде сравнительной анатомии, физиологии, генетики, биохимии, эмбриологии, микробной теории, теории развития систем. Философия биологии полностью пронизана тремя описанными подходами к осмыслению жизни: душа-мясо-паттерн. Философия биологии также принимает двойной метод идентификации принципа жизни и границ артикуляции. Она может быть понята как попытка постановки онтологического вопроса «Действительно ли жизнь отличается от не-жизни?» в контексте другого, эпистемологического вопроса «Действительно ли изучение живого (биология) отличается от других областей исследования?»

Тогда биофилософия — это просто противоположность философии биологии? Не вполне. Биофилософия — это, конечно, критика триптиха философии биологии. Но это также способ преодоления подхода души-мяса-паттерна и признание радикальности поставленных онтологических вопросов, которые часто сводятся к эпистемологической озабоченности классификацией. Если философия биологии озабочена артикуляцией понятия «жизни», которое описывает сущность жизни, то биофилософия озабочена артикуляцией тех вещей, которые постоянно трансформируют жизнь. *Для биофилософии жизнь — это многообразие.* Если философия биологии занимается выведением универсальных особенностей всей жизни, биофилософия описывает сеть отношений, которые всегда обретают жизнь вне себя самих. Внешняя диаграмма противопоставляется внутренним свойствам. Если философия биологии (особенно в XX веке) все больше озабочена сведением жизни к числу (от механизма к генетике), то биофилософия видит иной тип числа, пронизывающего всю жизнь (комбинаторное, пролиферирующее число графиков, групп и совокупностей). Если философия биологии обновляет механизм, чтобы освободиться от всякого витализма («витализм» — одно из ругательств биологии...), то биофилософия возрождает витализм, чтобы освободить его от всякой теологии (и в этом смысле число виталистично).

«Жизнь» и искусственная жизнь

Трудность философии биологии, как и почти всей философской мысли о «животном», заключается в сопротивлении антропоморфизму нашего способа осмысления жизни. Этот подход философии биологии, подход души-мяса-паттерна, связан, прежде всего, с понятием человека, ко-

торое не только изоморфно жизни, но и возвышается над жизнью («сама жизнь» как кульминация и «просто жизнь» как основа или фундамент). Это сопряжено с множеством последствий для нашего осмысления жизни, ибо этот подход помещает человека на вершину Великой цепи, приберегая при этом качественно отличное, неживотное место для человека. Речь идет о набившей оскомину драме человека, который одновременно причастен к животному, естественному, биологическому миру и все же постоянно стремится возвыситься над ним, вырваться из него, создавая абстрактные системы знания, конструируя мир и жизнь, стремясь к духовному (вспомним тезис Хайдеггера о животном мире: камень не связан с миром, животное влачит жалкое существование в мире, а человек строит мир). Это драма, которая временами оказывается трагической и абсурдистской. Современные практики биоискусства могут быть поняты как комментарий к этой драме: создание дадаистских млекопитающих, дополнительных ушей, свиней с крыльями, самостоятельное выведение растительных культур и «скрытый биологический саботаж».⁴

Биофилософия предполагает критику всех антропоморфных концепций жизни. Но можно ли помыслить такую неантропоморфную жизнь? Не заменяем ли мы попросту старый термин («паттерн») новым («многообразие»)? Речь не идет просто о наименовании или игре логики; речь идет об отношениях между «жизнью» и «мыслью» (и Кангйем, и Фуко отмечают, что наиболее точным *концептом* жизни была бы сама жизнь). Биотехнология — это подход к нечеловеческой жизни, неорганической жизни, анонимной жизни, неопределенной жизни — тому, что Делез называет «жизнью». Но весь смысл состоит в том, чтобы отказаться от привычной биологической мысли изнутри. Биофилософия сосредоточена на способах биологической жизни, которые одновременно избегают своей чисто биологической жизни: микробах, эпидемиях, эндосимбиозе, паразитизме, роях, стаях, толпах, искусственной жизни, генетических алгоритмах, биопутях, «умной пыли», смартмобах⁵, сетевых войнах — существует целый bestiary, который требует от нас осмысления отношений между жизнью и множеством.

⁴ См., в частности, работы *SymbioticA* (<http://www.symbiotica.uwa.edu.au>), группы художников и ученых, занимающихся изучением клеток и выращиванием тканей как художественной практикой. В ином ключе *Critical Art Ensemble* (<http://www.critical-art.net>) на протяжении нескольких лет занимался изучением отношений между активизмом, искусством и биотехнологией. На русском языке обзор деятельности и статьи групп *SymbioticA*, *Critical Art Ensemble* см. в антологии «BioMediale. Современное общество и геномная культура» (под ред. Дмитрия Булатова, Калининград: КФ ГЦСИ, Янтарный Сказ, 2004). Дополнительная информация по адресу: <http://ncca-kaliningrad.ru/biomediale>.

⁵ *Смартмоб и флэшмоб*. Flash mob («вспышка толпы») — сетевая технология, позволяющая любому множеству людей договориться друг с другом с целью синхронного осуществления какого-либо определенного, заранее согласованного действия. Если флэшмоб — это технология собирания толпы, то смартмоб (Smart mob, «умная толпа») — это роевая модель такого собирания, имеющая своей целью

Жизнь — это X

Основной вопрос философии биологии касается сущности жизни, «принципа жизни». Что есть жизнь? Жизнь — это X, чем бы этот X ни был — *эйдосом*, механизмом, жизненной силой, отбором, кодом. Понятие «сама жизнь», выдвинутое генетиками в эпоху после окончания Второй мировой войны (проблемы «генетического кодирования»), было возрождением концепции, изложенной Аристотелем в трактате «О душе» и его «биологических» трактатах. Смысл понятия «сама жизнь» сводится к тому, что «жизнь» едина. Чем бы ни была жизнь, она, прежде всего, вещь, одна вещь, иначе бы не могли сказать «жизнь — это X». Даже когда жизнь выказывает свою противоречивую природу, такое противоречие является неотъемлемой составляющей жизни. Примером служит подвижность животных. Аристотель поставил вопрос: «Что заставляет животное двигаться?», то есть откуда берется его энергия? Проблема решалась применением термодинамики к животной физиологии, рассуждениями о животном «электричестве», «возбудимости» и «витальных силах». Вскоре невыразимая «сила жизни» пронизала животное, позволив ему противостоять законам термодинамики.

Сегодня схожим образом развиваются исследования самоорганизации и эмерджентности. Вопрос изменился, но форма постановки проблемы осталась неизменной: «как простые локальные действия создают сложные глобальные паттерны?» Эффекты самоорганизации всегда могут быть проанализированы (например, «оптимизация колонии муравьев») и применены к информатике (например, компьютерной графике в кино, маршрутизации телекоммуникаций). Но основная загадка заключается в ее ядре, поскольку если нет никакого внешнего контролирующего фактора (окружающей среды, генов, проектов), то откуда тогда вообще берется контроль? И вновь на сцену выходит «сама жизнь», невыразимый, отсутствующий центр. В этом смысле жизнь следует законам мышления: она самотождественна (жизнь продолжается до тех пор, пока она не прекращается), непротиворечива (невозможно жить и не жить) и соблюдает правило «или/или» (либо что-то живо, либо нет; никаких промежуточных возможностей жизни не существует). Именно в этом смысле «жизнь» и «мысль» находят точку соприкосновения. Биофилософия предполагает критику диалектики «самой жизни». Она отказывается от понятия «самой жизни», которое всегда зажатое между полюсами природы и культуры, биологии и технологии, человека и машины. Вместо этого она развивает полностью противоположные понятия, образующие сети: молекулярное, многообразие, становление животным, сопротивление жизни. Но суть не просто в том, чтобы повторить делезовские определения, а в том, чтобы изобретать или отклоняться: автономия аф-

какое-либо социально-художественное действие. Технология получила развитие в начале 2000-х годов. (Примечание Д. Булатова).

фекта, зачаточная жизнь, влажное аппаратное обеспечение, превитальные трансдукции, организмический мягкий контроль, абстрактный секс, молекулярные вторжения и то, что Делез называет «математико-биологическими системами дифференциации».⁶

Бытие, время, число

Философия биологии — это эпистемологическое предприятие, тогда как биофилософия — онтологическое. Философия биологии спрашивает: «какая категория?», а биофилософия спрашивает: «претерпевает воздействие или воздействует?» Биофилософия непрерывно разворачивает онтологию, но ни одна из них не конечна, ни одна из них не устойчива. Пример: возможно, основная философская забота современности, описанная Хайдеггером, — *dasein* — мутировала в одну из главных забот нового тысячелетия — проблематику «самой жизни» или различия *zoe/bios*. Нас больше не беспокоят великие метафизические вопросы Бытия, Времени и Единого. Биофилософия — это пермутация и трансмутация этих забот: не Бытие, а проблематика «самой жизни» — вот что волнует нас и заставляет пересматривать понятия витального и витализма. Точно так же обеспокоенность временем перешла в интерес к колебанию, преобразованию, изменению — различию и повторению (повторению различного и различиям в каждом повторении). Современный интерес к событию, становлению и паре виртуального / актуального — еще одна вариация этого. Наконец, императив Единого — того, что Бытие Едино, что Время Едино, что субъект сингулярен, что идентичность — это идентификация с Единым, даже странно однообразным Другим в этической мысли — все это требует от нас постановки следующего вопроса: что нам необходимо сделать с понятием «числа» для того, чтобы мыслить вне дихотомии еди-

⁶ Помимо «Тысячи плато» см. делезовские замечания о жизни как «сопротивлении»: Делез Ж. Фуко М., 1998. О других понятиях см.: Keith Ansell Pearson, *Germinal Life*, New York: Routledge, 1999; Alain Badiou, «Of Life as a Name of Being, or Deleuze's Vitalist Ontology», *Pli: The Warwick Journal of Philosophy* 10, 2000, 174–191; Mark Bonta and John Protevi, *Deleuze and Geophilosophy: A Guide and Glossary*, Edinburgh: Edinburgh University Press, 2004; Critical Art Ensemble, *The Molecular Invasion*, Brooklyn: Autonomedia, 2002; Manuel Delanda, «Immanence and Transcendence in the Genesis of Form», *South Atlantic Quarterly* 96.3, Summer 1997: 499–514; Richard Doyle, *Wetwares: Experiments in Postvital Living*, Minneapolis: University of Minnesota Press, 2004; Miriam Fraser, Sarah Kember, and Celia Lury, «Inventive Life: Approaches to the New Vitalism», *Theory, Culture & Society* 22.1, 2005, 1–14; Mark Hansen, «Becoming as Creative Involution?: Contextualizing Deleuze and Guattari's Biophilosophy», *Postmodern Culture* 11.1, 2000; Adrian Mackenzie, «Bringing Sequences to Life: How Bioinformatics Corporealizes Sequence Data», *New Genetics and Society* 22.3 (2003): 315–32; Lucianna Parisi, *Abstract Sex: Philosophy, Bio-technology and the Mutations of Desire*, London: Continuum, 2004; Luciana Parisi and Tiziana Terranova, «Heat-Death: Emergence and Control in Genetic Engineering and Artificial Life», *CTHEORY*, 2000: http://www.ctheory.net/text_file.asp?pick=127; Eugene Thacker, *Biomedica*, Minneapolis: University of Minnesota Press, 2004.

ного/многого? Это вопрос был поставлен в «Различии и повторении» Делеза, но он присутствует уже в платоновском «Пармениде». Волосы, грязь и песок. Возможно ли понятие множественного вне единого/многого? Может ли такое понятие сопротивляться простой дедукции «числа» (количество/качество, экстенсивность/интенсивность, экспликация/импликация). Если и существует понятие числа, которое охватывает все многообразие (пролиферативное, первазивное число), и если многообразие связано с жизнью, то нет ли живого числа — *виталистской математики*, — не связанного с троицей души-мяса-паттерна философии биологии? И вместо того, что Бадью называет расколом между количественным и качественным, закрытым и открытым, «числом и животным», нет ли *животного числа*? Бытие, Время и Единое, таким образом, вновь соединяются в «самой жизни», становлении и числе, что, в свою очередь, требует от нас простого рассмотрения или пересмотра витализма, виртуального и множественного.

Отличное-от-жизни

Философия биологии ставит вопрос: «что есть жизнь?» Но при этом она редко ставит обратный вопрос: «что есть не-жизнь?» Конечно, смерть — это не-жизнь. Но то же можно сказать о скале, стуле, облаках. Как насчет компьютера, завтрака, национального государства — являются ли они также не-жизнью? Как насчет куклы? Воспоминаний? Существует целая негативная классификация не-жизни, предполагаемая позитивным вопросом: «что есть жизнь?» И все же вместо вопроса о том, что есть не-жизнь, лучше задать вопрос о жизни, которая становится не-жизнью, отличным-от-жизни, *становлением неживого*. Четыре предварительных примера:

1. *Роевое знание*. «Роевое знание» — это термин, которым обычно описывается междисциплинарная область исследований, сочетающая биологическое изучение «социальных насекомых» с компьютерной наукой (особенно программно-реализованными алгоритмами и мультиагентными системами).⁷ Точно так же, как группа насекомых, которые сами по себе «глухи» друг к другу, способна самоорганизовываться для добычи пищи или строительства гнезда, так и простые программы или роботы способны самоорганизовываться в группы и выполнять сложные задачи. Такой подход к локальным действиям и глобальным паттернам, как утверждается, обнаруживает «знание» или целенаправленное поведение на глобальном уровне. Но мы также можем оспорить и пересмотреть понятие «роевого знания», ибо в нем присутствует стремление к поиску

⁷ Краткий обзор см.: Eric Bonabeau and Guy Théraulaz, «Swarm Smarts», *Scientific American* (March 2000): 72–79. Более подробное и более техническое введение см.: Bonabeau and Théraulaz, *Swarm Intelligence: From Natural to Artificial Systems*, Oxford: Oxford University Press, 1999.

единства на более высоком уровне, которое было бы гарантией организации и порядка. Как бы его ни называть — «сверхорганизмом» или «разумом улья», — смысл в том, что целенаправленная деятельность может осуществляться только посредством процесса метаиндивидуализации всех групповых явлений, подчинения многих-как-многих новой концепции Единого. Действие должно происходить после индивидуализации, а не наоборот. Однако особенность роевых насекомых и других групп животных (стай, стад, косяков) заключается не только в отсутствии лидера, но и в чем-то вроде полностью распределенного контроля. Итак, политический парадокс обществ насекомых заключается в следующем: как понимать баланс между контролем и эмерджентностью, *суверенитетом* и *многообразием*? А парадоксальный вопрос относительно роевого знания звучит так: может ли оно быть кодировано? Можно ли разработать распределенный контроль? Или мы застыли на уровне пассивных наблюдателей, ограничившись нашей способностью опознавать роевое знание, не имея возможности влиять на него? Что нужно сделать с понятием *действия*, чтобы превратить роевое знание в политическое понятие? Если и существует роевое знание, то оно неизбежно должно быть анонимным, неантропоморфным знанием, знанием «жизни».

2. *Безголовый животный мир*: Философия биологии не только озабочена единством жизни («жизнь — это X»), но и связывает такое единство с индивидуальным организмом. Биология всегда — в классификациях естествознания, дарвиновских наблюдениях или при изучении геномов — начинается с индивида. Индивид — это отправная точка, основная единица исследования. На всех этих уровнях организм сохранял свое центральное значение. Организмы не только образуют виды, но и сами состоят из молекул и клеток; организмы — идеальная точка опосредования между микроскопическими и макроскопическими видениями жизни. Поэтому нет ничего удивительного в том, что философия ставит человека выше животного, основываясь на сравнении индивидуальных организмов. Аристотель, Декарт, Гоббс, Локк, Руссо: индивидуальный организм — это самая базовая единица, благодаря которой человек ставится выше животного, зверя, дикаря. И это особенно заметно, когда речь заходит о группах. Насекомые здесь служат привилегированным, возможно, парадигматическим примером не-человека. Политическая мысль часто противопоставляла человека и насекомое именно в этом пункте. Гоббс отмечает, что, хотя мы и насекомые «социальны», только мы можем определять суверена по праву; Маркс говорит, что насекомые тоже производят и строят, но люди способны абстрагироваться и заранее составлять план здания. И даже группы — это индивиды. Группы состоят из индивидов, которые существуют до них, и сами образуют метаиндивидов («виды», «расы»). Но существуют также внешние групповые животные в стаях, стадах, роях. Да, можно считать, что рои состоят из индивидуальных насекомых. Но что, если рои, стаи и так далее — это, по сути, инверсии ор-

ганизма? Что если они являются инстанциями, в которых многие существуют до Единого? Армия муравьев имеет здесь морфогенетический аспект: у нее есть фронт, бивак, фланги. Но рои, стаи, стада и косяки также отличаются своей бесформенностью. У них нет «головы», не говоря уже о «лице». Они – безголовые животные, ацефалический животный мир. Это животность без головы или хвоста, полисенсорная, полиаффектная, «аморфная, но скоординированная».⁸

3. *Молекулярные молекулы*: Начнем с утверждения о том, что молекулы не «молекулярны». Как бы бессмысленно это ни звучало, важно понимать молекулу как одну из целого ряда единиц структуры и анализа: организм, орган, ткань, клетка, молекула. Каждая наука о жизни – это не просто существительное (анатомия, биология), но и глагол («анатомизировать», «биологизировать»), в котором живое анализируется и создается. Какова наименьшая единица структуры? Это также первичная единица анализа, строительства и разбора. Процесс индивидуализации важен для способа осмысления жизни, независимо от того, о чем идет речь – о «кирпичиках жизни» или «коде жизни». Всегда существуют «силы десяти» в биологии, огромный онтологический микроскоп, который стратифицирует индивидов («ДНК создает РНК, РНК создает белки, а белки создают нас» – мантра молекулярной генетики). Но что, если все это не имеет никакого отношения к масштабу, стратам или слоям? Существует целая забытая история молекулярной биологии, которая не придает значения поиску молекул (белков или нуклеиновых кислот), а занимается рассмотрением отношений между молекулами, сетевой динамикой, временным существованием «на грани хаоса» (биосложность). С одной стороны, биология рассказывает нам, что молекулы создают и разрушают (одни белки разрушают молекулы, другие создают). Но, с другой стороны, поверхностный взгляд на микробов показывает нам радикально горизонтальное положение молекул: символические бактерии, инфекционные вирусы и горизонтальная передача генов между микробами Эпидемии молекулярны, но они также являются социальными, технологическими, экономическими, политическими. Сети инфекции, но также и сети заражения, перемещения, вакцинации, карантинных, наблюдений. Эта компрессия сетей, эта топологическая интенсификация возникает не из молекул, а из «молекулярного». Микробная жизнь, которая не имеет ничего общего с масштабом (микро- и макро-), но которая одновременно является локальной и глобальной. Даже обычные биологические процессы экспрессии генов, клеточного метаболизма и восприятия сигналов мембранами обычно создают связи и отношения (животное-микроб-человек) или, скорее, образуют *единство в сборке*.

⁸ Это выражение использовано в книге о военных роях: John Arquilla and David Ronfeldt, *Swarming and the Future of Conflict*, Santa Monica: RAND, 2000.

4. *Жизнеподобная смерть*: Мы возбужденно обсуждаем отношения, в которых новые технологии «подобны жизни», полагая, что технология — нечто, лишённое жизни — может обнаруживать свойства или поведение, которые приблизят нас к пониманию жизни. Но при этом неясно, является ли жизнеподобие категорией репрезентации («овальный портрет», который выглядит как живой), исполнения («никому нет дела до человека за сценой») или симуляции («что реально, Нео?»). Мы одержимы желанием и все же обеспокоены жизнеподобием: мы хотим, чтобы наши телефоны говорили с нами, но только если они говорят правильные вещи. В популярной культуре, научная фантастика постоянно повторяет сценарии, где мы создаем техническую жизнь по нашему образу и подобию, сплав технологии и жизни, в котором человек постоянно воспроизводит себя. Возможно, еще один подход к жизнеподобию связан не с жизнью или технологией, а с жизнеподобием смерти. На самом деле существует целая демонология жизнеподобий, которая требует рассмотрения. В «ужасниках» популярной культуры полно примеров жизнеподобной смерти: зомби (живой мертвец), вампиры (не-мертвецы), призраки (духи, не имеющие тела) и демоны (овладение жизнью). Это жизнеподобие уходящей жизни, выхода за пределы себя, смерти. Нет ничего удивительного в том, что эти фигуры жизнеподобной смерти часто населены ужасными амбивалентными агентами: вирусами, инфицировавшими живых мертвецов, «дурной кровью» вампиров, фантазмами, завладевшими моей памятью, и демоническим отрывом души от тела. Жизнеподобная смерть — это не радостное жизнеподобие наших интеллектуальных машин, а двойственное отношение к жизни, которая не должна быть живой, к безобразной жизни. Такая жизнеподобная смерть — это апоретическая жизнь: мертвые, которые ходят, бессмертные существа, которые одновременно являются грязными животными (летучие мыши, крысы), материализованный дух, знакомое лицо, искаженное до неузнаваемости. Но, в конце концов, возможно, у всего этого есть и технонаучная сторона. Разве крайний случай жизнеподобной смерти не служит точкой, в которой органическое больше невозможно отличить от неорганического, материальное от нематериального? Это область нанотехнологии, идея неорганической жизни, программируемой материи, неизученных «окултных средств».

Древняя жизнь (или Биология Ктулху)

«Биофилософия для XXI века» — это сомнительное заявление. Биофилософия не начинается с информационных сетей, биотехнологий, нанотехнологий или интеллектуального программного обеспечения. В определенном смысле мысль досократиков была биофилософской. Гераклит обращался к неорганической жизни в трех примерах огня (бесформенность в тождественности), воды (вхождение в реку) и тела (стабильность через рост и распад). Общий *логос* для всех изменений. Его противоположностью — но во многих отношениях и его дополнением — является

Парменид, чья концепция «все едино» пытается постичь многообразие как форму единого. А потом есть атомы у древнегреческих философов, частицы, бесконечно плотные и подвижные...

Сразу возникает возражение: «не прибегаем ли мы к редукции в нашей концепции жизни, словно жизнь бывает только биологической, а не социальной, культурной, экономической, религиозной и политической?» И действительно: не проблематичен ли тот способ, которым биологическая и биомедицинская жизнь стала основой наших складывающихся «биополитических» режимов? Эта «голая жизнь» служит альфой и омегой социальной и политической жизни, блюдя безопасность «населения» и создавая состояние исключения, чрезвычайное положение, в котором «голая жизнь» подвергается нападениям и служит объектом превентивных ударов. Несомненно. За исключением того, что это мешает нам представлять жизнь в виде шахматной игры между дисциплинами. Ученому, который говорит, что «жизнь — это генетический код», отвечает социолог, говорящий, что «жизнь — это дискриминационное осуществление генетики». Физика, который говорит, что «жизнь — это самоорганизация материи и энергия», политолог отвечает, что «жизнь — это борьба между человеческими группами за присвоение природных ресурсов». Профессору литературоведения, который говорит, что «жизнь — это набор метафор, о которых мы забываем, что они — метафоры», отвечает инженер, который создает «программируемую материю» и «умную пыль». Время от времени синергетические соединения и взаимодействия порождают монстров: в 1980-х рассуждали о хаосе, в 1990-х — о сложности, а на рубеже тысячелетий — о сетях. Ничто не стоит на месте. Возможно, нам захочется избавиться от дисциплин; и все же, несмотря на все разговоры о «трех культурах», в самых банальных, повседневных ситуациях мы по-прежнему имеем дело только с двумя.

Это не манифест. Тем не менее существует множество заблуждений насчет биофилософии. Биофилософия — это не наивное принятие «жизни», вера в альтруистический холизм всей жизни на земле. Она представляет собой жесткое оспаривание метода философии биологии (принцип жизни, границы артикуляции). Биофилософия всегда вопрошает: «какие отношения исключаются в таком-то и таком-то делении, в такой-то и такой-то классификации?» Биофилософия — это не просто другое название самоорганизации, эмерджентности или сложности. При всей плодотворности взаимодействия философии и биологии в этом пункте, ясно, что науки о сложности не способны мыслить онтологически и политически. Скорее, они создают новый образ природы (нелинейной, метастабильной, сложной природы) или — что хуже — сводят все неприродные элементы к этой новой природе (так, свободные рынки и/или «демократия» являются самоорганизующимися и потому неизбежными). Не все относится к области биофилософии, но одной из главных забот биофилософии является предполагаемый фундаментализм биологии и биологических/биомедицинских определений жизни. Биофилософия — это

не просто новый витализм, утверждающий невыразимость и нередуцируемость описания жизни. И все же это, возможно, один из наиболее фрустрирующих и амбивалентных аспектов биофилософии. Биофилософия — это попытка создания политической онтологии, хотя она и относится к политике с неприязнью или безразличием. В биофилософии нет никакого *ressentiment*, а есть только верность «жизненной политике» в сочетании с этой «молекулярной» перспективой. Биофилософия поднимает и заново рассматривает онтологические вопросы, оставленные без внимания философией биологии. Почему «жизнь»?

Перевод с английского Артема Смирнова